

Переходим к водным процедурам

«Девятый вал» и другие произведения
Ивана Айвазовского в Третьяковской галерее

Самое знаменитое полотно великого мариниста.

В музейно-выставочном деле простые рецепты часто оказываются самыми действенными. Достаточно объединить усилия Третьяковки и Русского музея на предмет восславления кого-нибудь из народных кумиров – и готова сенсация. При надлежащем решении транспортно-бюрократических проблем такие персоналки, как прошлогодняя Карла Брюллова или нынешняя Айвазовского, устраивают всех: публику, прессу, высокое начальство и самих музейщиков. Популярность у масс обеспечена десятилетиями былого просветительства, уровень экспозиции задан тоже довольно загодя (к примеру, лучшие вещи Айвазовского закупались и императорским двором, и Павлом Третьяковым, так что мчаться за экспонатами в Феодосию или клянчить что-то у частных коллекционеров не было необходимости). Дурацкие вопросы критиков можно сразу переадресовывать покойному автору, отсутствие же остроты и концепции объяснять тем, что это не шоу, а дань памяти и знак уважения.

Даже и при таком подходе случаются открытия и откровения: упоминавшаяся выставка Брюллова получилась интересной, разноречивой и неожиданно обращенной к современному дню. Об экспозиции же главного российского мариниста этого не скажешь, хотя упрекнуть некого и не в чем. Хрестоматийные картины во главе с «Девятым валом» на почетных местах, ранние и малоизвестные – обрамляют и выгодно оттеняют. В витринах угнездилась редко показываемая графика, для пущей интриги повешено несколько «сухопутных» пейзажей, имеется даже батальное полотно «Стычка ширванцев с мюридами на Гунибе»... И все-таки скучно. Рискованное предположение, но начинает казаться, что из Айвазовского невозможно собрать выставку, которая по-настоящему впечатлила бы нашего современника, если только тот не отставной мореплаватель. Очень уж видна становится многолетняя застылость романтического канона, подчеркнуто однообразным оказывается стаффаж, а океанская вода, помимо воли художника и зрителя, приобретает свойства вазелина. Вот кабы перемежить с другими романтиками, с другими маринистами, с другими баталистами да посмотреть, что выходит на стыках... Совсем не имеется в виду, что поклонники Айвазовского в XIX веке восторгались художником по ошибке, просто искусство устаревает неравномерно, и даже яркий талант может блекнуть заодно с приемами, на которые делалась ставка.

Но вернемся к экспозиции. Пресловутый «Девятый вал» – более чем трехметровый по длине – не только самое крупное здесь полотно, но, пожалуй, и самое совершенное. Автор и в блеске славы, и на подъеме мастерства; требования романтизма к экстремальности и грандиозности сюжета удовлетворены как нельзя лучше, а еще есть какая-то гипнотическая достоверность для Айвазовского не слишком характерная. Запоминается «Вид Константинополя при лунном освещении», также привезенный из ГРМ, третьяковская «Радуга»... Не только они, конечно, но «запоминается» здесь синоним слова «воодушевляет», потому в пору и остановиться.

Дмитрий Смолев, для «Новых Известий».

Новые Известия - 2001 - 14 марта - 1. 2.